

Скандалы прошлых лет

Василий КАТАНЯН

Страсти по Параджанову

Нет такой статьи Уголовного кодекса, которую не приписали бы ему, и ни одного смертного греха, в котором бы его не обвинили. Воровство, спекуляция, изнасилование, совращение юнцов и старух и, конечно, национализм

Работавший с ним оператор Антипенко однажды сказал: "За Параджановым хотелось ходить и записывать. И жалко, что это никому не пришло в голову".

Это не так — мне пришлось. Все годы нашего знакомства я вел более или менее регулярные дневниковые записи о встречах с ним, о его делах и разговорах, причудах и остротных словечках.

Семейный карнавал

В январе 1956 года он приехал в Москву с молодой женой Светланой. Это была застенчивая хохлушка, прелестьная, вся какая-то светящаяся. До замужества Светлана два года прожила в Оттаве, говорила по-английски, была элегантна.

Жили они своим хозяйством славно, но не всегда согласно. Невозможно было постоянно играть, как того требовал Сережа: котлеты укладывать на блюдо не так, а эдак, яблоко чистить только таким макаром, чашку ставить не туда, а сюда. Даже из Светланы он делал модель или, если угодно, часть обстановки. То пересаживал ее к окну, то против света, то накидывал на нее шаль, то вплетал жемчуга в волосы. Ласково улыбаясь, она до поры до времени все безропотно терпела, но я уставал даже смотреть на эти бесконечные мизансцены.

Потом родился сын — красивый белокурый Суренчик, в маму. Оба его обожали. Это был скромный, улыбочивый, спокойный мальчик, и в те дни, когда Сережа до него дорывался, он начинал режиссировать его поведение и наряжать, наряжая. Цилиндр, жабо, камзол... "Когда Суренчик вышел на проспект Руставели, то все решили, что начался карнавал!" В дальнейшем Сурен окончил архитектурный институт.

В 1961 году Светлана ушла от мужа. Их брак не сложился, я уверен, из-за характера Сережи.

От жемчуга до ослика

Его отец был коммерсант — то продавал спинки никелированных кроватей (!), то был директором комиссионки, — и мальчик вырос среди разговоров о купле-продаже. Он с детства научился разбираться в стилях, марках, фирмах, каратах. Он любил не только сияние драгоценных камней, но сами их названия, мог бормотать ни к селу, ни к городу: "Алмазы, топазы, сапфиры..." Он фантазировал на эти темы бесконечно, выдавая желаемое за действительное. То и дело, надо не надо, я слышал от него:

— Видел на Софико жемчужное ожерелье? Бесценное. Это я ей подарил.

— Ты?

— А кто же еще?

Если бы у него это было, то не исключено, что он действительно подарил бы. Подарки — род недуга. Он не мог не подарить чего-либо человеку, который был ему симпатичен.

Когда в том же Киеве к нему пришел Тарковский, то первым, кто его встретил, был жемчужный ослик, привязанный к батарее (это на восьмом-то этаже!). Оправившись от изумления, Андрей Арсеньевич увидел Сережу, который, улыбаясь, смотрел ему в глаза и наливал в бокал красное вино из старинной грузинской бутылки. Вино переливалось и расплывалось пятном на кружевной скатерти изумительной работы. "Сережа, вы губите скатерть, сестановите!" — "Это так, но вы выше, чем кружева шантильи!"

Лжедоносы на самого себя

Каждый день мы заставляли у него буквально толпу. Параджанову нужна аудитория, перед которой он может фантазировать, представлять и творить монологи. Его раздрает, из него брызжет творчество. В его образном и всегда остроумном потоке полно фантазии и бреши для красного словца, ради которого, как говорится, не жал и родного отца. Не знаю как насчет отца, но себя Сергей явно не жалеет: он рассказывает о себе такие байки, такие небылицы, так все поворачивает, что у слушателей замирает душа и глаза вылезают на лоб. Новички все принимают за чистую монету, а люди, знающие его, сильно фильтруют эти легенды. Он сплошь и рядом ложно на себя доносит, громко рассказывая всевозможные страсти — несуществующие и жуткие.

По натуре он был эрото-ман, и малейшее упоминание о любви вызывало в нем взрыв эмоций и причудливую игру воображения. У него был "пунктик", что вокруг все знаменитые люди в него влюб-

ФОТО ВАЛЕРИЯ ПЛОТНИКОВА

лены и жаждут с ним близости. И мужчины, и женщины. Например, он хвастался своими амурными похождениями, едва ли не всегда выдуманными, и ему было все равно — с мужчиной или с женщиной, про мужчин было даже интереснее, ибо это поражало собеседников. Особенно малознакомых, так как друзья, зная цену его болтовне, кричали: "да заткнись ты", понимая, чем это грозит. А он знал себе размахивал красным плащом перед быком — давал интервью датской газете, что его благосклонности добились 25 членов ЦК КПСС! Что и было напечатано. Смеясь, повторял "мо" Раневской: "Великая держава, где человек не может распорядиться собственной задницей".

И когда власти решили изолировать Параджанова, им показалась удачной мысль приписать ему статью о гомосексуализме, воспользовавшись его высказываниями, показанием провокатора и темными людьми из его окружения. А изолировать они его решили, ибо надоела им его независимость, его речи и его неуправляемость.

Среди знакомых Параджанова был архитектор Миша Сенин, я его не видел, но Сережа говорил мне о нем, как о человеке талантливом, со вкусом. Они дружили, хотя часто спорили.

Светлана рассказывала: "В отсутствие Сергея Мишу вызвали в КГБ (или МВД) и потребовали от него каких-то порочащих Сергея сведений — порочащих в плане моральном, в плане именно той статьи, которая впоследствии была ему инкриминирована. Разговор был очень серьезный, и Сенин, предчувствуя, что его упорно будут заставлять говорить о том, чего не было, вернувшись домой, перерезал себе вены. Самоубийство!"

Дней через десять на киностудии Довженко было в спешке проведено профсоюзно-партийное собрание, где шельмовали Параджанова, клемили его и отрекались. Весь город уже знал, что он арестован. Статьи, которые инкриминировались Сергею, менялись. То это было взяточничество, то валютные спекуляции, то ограбление церквей, и, наконец, придумали изнасилование мужчины. Подыскали человека, который дал показания, что явился жертвой насилия со стороны Параджанова.

Медаль из зоны

И потянулись долгие годы неволи. К счастью, переписка была разрешена, и по его письмам оттуда предомню встает его жизнь в лагерях — это был не один лагерь. Его первые письма Светлане и нашей семье (Л.Брик, моему отцу, мне и Инне) полны смятения, отчаянья, горечи. Он

был раздавлен, сломен и унижен. Он не обладал каторжным здоровьем, у него был диабет, шалило зрение, побаливало сердце. "Я был дворником на территории, и они залили водой цех, примерно шестьдесят сантиметров была глубина воды, триста квадратных метров воды, если не шестьсот. Я должен был ночью ведрами вытащить всю эту воду, чтобы не сорвать рабочий день. Холод, мороз, я в воде, мокрые ноги, сапоги... Потом надо было ломом ломать этот лед, ломал и выкидывал. Могло ли быть у меня воспаление легких, перенесенное вот так? Могло! И прогнисьшее легкое, которое сейчас вытаскивали, оперировали". (Умер Сережа в своей постели, но я уверен, что это тюрьма достала его, спустя годы).

И там, на тюремном дворе он собирал нужные ему отбросы и засушивал жалкие цветы, чтобы склеить из них неповторимые коллажи — я их называю так уменьшительно, ибо они должны были уложиться в простой почтовый конверт, что их можно было послать друзьям и родным. Теперь эти "зеленые почки" являются украшениями музеев. На металлической крышке от кефира он гвоздем выдал и процарапал портрет Пушкина, который поначалу повесили кучку уголовников, окружающих его, а позже, в дни, до которых Сережа не дожил, Федерико Феллини отпил по его модели серебряную медаль, и ею награждается лучший фильм на фестивале в Римини!

Мы грызем землю

Однажды, отправляя ему письмо, я спросил Лию Юрьевну, что приписать от нее? "Напиши ему, что мы буквально грызем землю, но земля твердая". Так оно и было: усилия всех, кто боролся за его свободу, не привели ни к чему. И тогда Лия Юрьевна стала подталкивать иностранцев через корреспондентов, с которыми была знакома. Появились статьи, главным образом во Франции. Они были вызваны ее энергией — а ведь ей было уже за 80! Статьи повлекли за собой демонстрацию его фильмов. В Вашингтоне я видел рекламу "Саят-Новы": "Фильм великого режиссера, который за решеткой". Но главное — Лия Юрьевна уговорила Луи Арагона приехать в Москву, куда он не ездил уже много лет, будучи возмущен многими нашими поступками в области внешней и внутренней политики. Лия Юрьевна, преодолев недоверие и возраст, решила полететь в Париж на открытие выставки Маяковского, чтобы лично поговорить с Арагоном и убедить его использовать шанс освободить Параджанова. Полуофициальная встре-

ча Арагона с Брежневым состоялась в ложе Большого театра на балете "Анна Каренина". Брежнев к просьбе поэта облегчить участь опального режиссера отнесся благосклонно, хотя фамилию его никогда не слышал и вообще был не в курсе дела. 30 декабря 1977 года Параджанова освободили — на год раньше срока. И сделала это, в сущности, Л.Ю.Брик в свои 86 лет.

На содержании у Папы Римского

В октябре 1981 года Сережу, который гостил у нас, разыскал Юрий Клименко. Мы всячески его конспирировали, Инна делала все, чтобы не пускать Сережу в Дом кино, где он приходил в возбуждение и горюдил небылицы на глазах у всех. Любимов пригласил его на генеральную репетицию спектакля о Высоцком, который хотели запретить — и запретили. Инна отговаривала Сережу, она была очень против того, чтобы он шел на этот прогон: "Те нужен для шумихи, для рекламы, нужно твоё имя, нужна скандальность..." Как в воду глядела. После просмотра было обсуждение. Вся художественная элита Москвы очень одобрила спектакль, все руководство было против. Сережа, которого я держал за полу пиджака, чтобы он не полез выступать, вдруг поднял руку. Черта с два его удержали! Велась стенограмма, которую потом послали куда не надо, и вот под эту стенограмму Сережа и произнес крамолу. Очень точно разобрал спектакль и толково кое-что посоветовал, конечно, не удержался: "Юрий Петрович, я вижу, вы глотаете таблетки, не надо расстраиваться. Если вам придется покинуть театр, то вы проживете и так. Вот я столько лет не работаю, и ничего — не умираю. Папа Римский мне посылает алмазы, я их продаю и на эти деньги живу!" Никто не улыбнулся, все приняло это за чистую монету и проводило его аплодисментами.

— Сережа, побойся Бога, какие алмазы посылал тебе Папа Римский?

— А мог бы! — ответил он мне с упреком.

И вскоре разразилось — как гром среди ясного неба была для всех нас заметка в "Юманите": "По сообщению агентства Франс-Пресс, советский режиссер Сергей Параджанов 11 февраля 1982 года арестован в Тбилиси за спекуляцию". Постановщик "Саят-Новы" однажды уже отбывал наказание с 1973 по 1977 год.

Потом, когда его друзья, Софико Чиаурели и братья Шенгелая, опять ходили хлопотать за него, им сказали, что толчком к аресту послужило злополучное выступление в Театре на Таганке и что

изолировать его решила Москва.

За несколько дней до суда мне в Москве позвонила Белла Ахмадулина. Они с Борисом Мессерером собрались лететь в Тбилиси. Ее поэзию очень ценил Эдуард Шеварднадзе, тогда первый человек в Грузии, как, впрочем, и теперь, и Белла Ахатова надеялась передать ему письмо в защиту Параджанова. Все мы прикидывали: что и как написать? Рассудив, что просто отпустить Сережу на все четыре стороны невозможно (честь мундира!), было решено просить, чтобы приговор вынесли условный. Что угодно — только условно.

Письмо было передано Эдуарду Амвросиевичу. Параджанову дали пять лет условно.

И снова его свободе способствовал большой поэт.

"Параджанов — это зло!"

Одного человека спросили: "Вот вы проработали с ним картину. Так какой же он, Параджанов?" — "Вы видели когда-нибудь зло?" — "Нет, как же можно зло — видеть?" — "Можно. Зло — это Параджанов". (Так же как и многие, знавшие Сережу, несколько не удивляюсь этому суждению. Я не знаю почти ни одного друга Параджанова, которого на определенное время не разделяла бы с ним вражда, порожденная Сережиным поведением. Что было, то было. Но и они сегодня не поминают его лихом — таков феномен Параджанова).

Как он снимал? Определенного метода не было, и мы никогда не знали, что нас ждет. Вот случай на съемках "Легенды о Сурамской крепости", эпизод "Базар в Стамбуле". Вся группа по различным причинам не разговаривает с Параджановым: сопостановщик Додо Абашидзе за то, что застал Сережу за поеданием осетрины в одиночестве. Директор потому, что Параджанов написал на него шесть доносов. Я — потому, что Сережа меня обвинил: "Ты не ушел, и агенты ЦРУ украли у меня паспорт!" Художник Алик Джаншиев — потому, что упал с декораций человек и Сережа потребовал: "Джаншиева надо честно посадить в тюрьму". Оператор Юрий Клименко с ним не разговаривал потому, что не понимал, как можно "честно посадить в тюрьму". Так вот, мы все с ним в ссоре, и нужно сделать так, чтобы он ни к чему не смог придраться. А мы готовим чудовищный по освещению объект. Нужно было одеть четырех человек массовки, двенадцать героев, пригнать восемь белых и восемь черных лошадей, четырех верблюдов, шесть ишаков, двух мулов, обнаженных невольниц и подготовить весь реквизит.

Так вот, Сережа заявил нам: "Я приду в два часа, и чтобы все было на месте!" Появляется за пятнадцать минут до начала, садится, как всегда, на стуле задом наперед:

— Ну что, бездари, объект готов?

— Готов.

— Где четыреста человек массовки?

— Вот. И еще резерв пятьдесят.

— Все одеты? А ну иди сюда, грим проверю!

— И грим есть!

— Где сто штук лимонов?

— Вот они.

— Где китайские вазы, ковры, оружие?

— Все на месте!

— Где Эльбрус?

— Здесь я!

И оператор Клименко говорит, что все готово. Это совершенно добило Сережу, но он не сдавался:

— А где лошади и верблюды?

— Вон они.

— А где фураж для скота?

— Вот сено, вот овес.

Он ехидно прищурился:

— А где человек, что будет за скотом убирать навоз?

Выходит усатый дворник:

— Я буду!

— Видишь, пупусь, все готово! Можно начинать.

— Так, значит, все сделали? Ну и снимаем! Все, зачем я вам нужен?

И ушел с площадки. Обиделся: мы не оставили ему процесса творчества.

Надежда XXI века

Начесть судьба ему улыбнулась — он снял "Легенду о Сурамской крепости", картина имела большой успех, и впервые у него была премьера в московском Доме кино. Зал был переполнен. А в феврале 1988-го, в 64 года, он впервые попал за границу, в Роттердам, где чествовали двадцать лучших кинорежиссеров мира, "надежду двадцать первого века". Всем за шестьдесят. Дожили ли они до двухтысячного года, не говоря уж о том, смогут ли снимать, да и просто держаться на ногах?

Но дело не в этом, а в том,

что туда был приглашен и Параджанов. Он пробыл в Голландии всего три дня, из них субботу и воскресенье, когда магазины были закрыты и функционировала только базахолка. Там-то и развернулся Сережа! Он накопил столько, что пришлось к нам подниматься в двух лифтах. Никакой одежды или "техники" он не приобрел, только старые и красивые вещи: жестяные коробки с картинками, бесчисленные рамки всех размеров для фото, коллажей и картин, краски, кисти, золотую бумагу, блестки и цветы, фарфоровые вазочки, колокольчики, лампы, подсвечники, чайницы, флаконы, зонты, веера, гадальные карты... Все это он расшвырял по всей квартире, и она стала похожа на лавку старьевщика.

Но вот упакованы чемоданы и сумки, засунуты узлы, увязаны мешки и коробки. Чтобы увезти этот цыганский скарб, откупили целое купе. Вызвали две машины. Инна захарила курицу на дорогу, я наделал бутербродов. Сережа долго целовался с моей мамой и, окруженный толпой провожающих, отбыл. Обо всем дальнейшем я пишу скрепя сердце.

Всю жизнь Сережа делал что-нибудь безумное, странное или пагубное — лишь бы это был его собственный выбор. Я говорю не о творчестве, а о его житейских поступках. Подобно персонажам Достоевского, которого он, правда, не читал, Сергей стремился доказать себе, а главным образом окружающим, что он не обыкновенный человек, подчиняющийся неизвестно кем выдуманным нравственным законам, а личность, способная создать свои собственные законы и жить по ним. Отсюда и одна из его особенностей — как легко он дарил, так же легко он и пользовался тем, что ему не принадлежало. Это был один из его "собственных законов".

Целый день пакуя коробки, чемоданы и баулы, пока мы занимались своими делами, он исподволь путал скарб с амстердамской барахолкой с нашими домашними вещами и отнюдь не случайно уложил к себе кое-что, что для нас и Инной было раритетом и реликвией. Да будет мне позволено не вдаваться в подробности, чтобы не унижать Сережу, которого уже нет с нами. Но что было — то было.

Редко кто, пройдя огонь и воду, безболезненно проходил и медные трубы. Медные трубы, как известно, поют славу. Огня и воды на долю Параджанова досталось с лихвой, и он прошел сквозь них, не растеряв себя. А вот слава, "погремывшая над ухом трещи", сломала его — он решил, что теперь все дозволено. Поэтому и провожающим на вокзале он со смехом рассказывал, как удачно у него все вышло...

Обеспечил бессмертие

Однажды позвонил из Тбилиси отец Георгий: "Сережа в тяжелом состоянии, у него депрессия, он исповедуется, плачет, говорит ужасные вещи и умоляет вас снять грех с души".

— Ну конечно! Скажи ему, что он давно прощен.

Через день снова звонок:

— Он просит, чтобы вы написали ему об этом.

Елки-палки, какая бюрократия! Я, конечно, написал, но не "об этом", а просто как ни в чем не бывало послал дружеский привет, пожелание здоровья и скорой встречи, немного пошутил, что-то нарисовал... Наутро телеграмма: "Дорогой друг и брат Васо и сестра Инна! Не нашел слов выразить радость получения письма. Да здравствует амнистия!"

Из моего дневника: "17 октября 1989 г. За последнюю неделю несколько раз навещал Сережу на Пироговке. Когда я вошел в палату, он начал плакать. В первый раз в жизни видел его смутившегося.

Сегодня он позвонил, что решил улететь, что ему лучше. Я тут же помчался к нему и застал его совершенно погасшего, молчаливого, неузнаваемого. К сожалению, ему совсем не лучше. Он ни разу не улыбнулся. Было невыносимо. Я ушел от него с тяжелым сердцем".

Открывая свою первую выставку, он писал: "Я, Сергей Иосифович Параджанов, родился в Тбилиси, там же и умру. В юности, рассуждая, как заработать на жизнь, я поступил в институт кинематографии и с тех пор голодаю". Здесь верно все, кроме одного, — он умер не в Тбилиси, а в Ереване, 20 июля 1990 года, через три дня после возвращения из Парижа, где в клинике пытался продлить его дни.

Отлично зная себе цену, он однажды серьезно спросил попугайчиков, с которыми предстояло ехать по опасной горной дороге:

— А вы не боитесь? Себя-то я ведь обеспечил бессмертием.

Из книги "Прикосновение к идолам", издательство "Вагриус", публикуется в сокращении. Заголовки даны редакцией.